

Ольга
Тригорьева

ЗАДЕРЖИТЕСЬ В ОБЪЯТЬЯХ

* * *

Время твердит: образумься, остынь,
Что же тебе не сидится, неймётся?
Старый вагон. Золотистая пыль
Вьётся в лучах заходящего солнца.
А на душе – безмятежный покой.
Годы, и беды, и станции – мимо.
Всё потому, что я еду домой.
Всё потому, что я еду к любимым.
Солнечный лучик пропал, как возник.
Эти мгновенья проходят так быстро...
Пыль золотистая – канущий миг.
Жизнь мимолётна. Но так золотиста!

Я ЖИВУ ЛЮБЛЯМИ...

Юнне Мориц

За окошком рынок,
За окошком морось...
Я плачу люблями –
Как сказала Мориц.
При любом раскладе
Не уйду с долгами.
Я живу как надо –
Я плачу люблями.
Может быть, терпимей
Буду я с годами,
Но неумоимо
Я живу люблями.
Не разочаруюсь
И не успокоюсь.

Я живу люблями –
Как велела Мориц.
Не презренным златом –
Сказочными снами.
Высшая зарплата
Выдана люблями.
В нынешнем бедламе
Не забудь про совесть.
Будем жить люблями –
Так, как Юнна Мориц.

* * *

Кушнер описал бы это чувство
Через призму крохотных примет:
Как при расставанье было грустно
(Хоть причины в общем-то и нет),
Как при встрече в яркий полдень летний
Что-то беспокоило внутри...
И в стекло стучали клёна ветви,
Ну а мы смеялись: «Не смотри!»
Бабочку у вырытой могилы,
Стрекозу, влетевшую в окно...
Жили-были. Мучились. Любили.
Описать всё это не дано.

* * *

Долгие крики на том берегу...
Что там кричат – для меня непонятно.
То ли греби, призывают, обратно,
То ль – не греби. Разобрать не могу.

Оклик негромкий – с полвека назад.
 Вот бы уметь времена передвинуть!
 То ль призывали писать и дерзать,
 То ль – не писать,
 успокоиться, сгинуть...

Может, важней не значение, а звук?
 Голос услышанный, мука и тайна?
 Сеть, записать – по наитью, случайно
 Вечную музыку встреч и разлук...

АПТЕКАРСКИЙ ОГОРОД*

Так, как жизнь идёт,
 так и смерть идёт...

Вот приснился Аптекарский огород,
 По Москве прогулки,
 Где свежи цветы, зелена трава,
 Беззаботна юная голова
 В тёмном переулке.

Пусть давно уж сказаны все слова,
 Как люблю я тебя, ох, Москва, Москва, –
 До сердечной дрожи.
 А к чему любить, коли жизнь прошла,
 И любовь взаимною не была,
 Да и быть не может.

Всё равно упрямо, из года в год
 Приезжаю в Аптекарский огород,
 Обречённо зная,
 Что не просто так потемнел, поблёл
 В сентябре любимейший мой цветок –
 Украшенья мая.

Намагничен сад. Заколдован круг.
 Пусть шумит Москва –
 тишина вокруг...

Не приеду если –
 Убедись, Москва, как тебя люблю:
 Сядет бабочка на твою скамью,
 И цветок воскреснет.

НАД КАППАДОКИЕЙ

Смотрю оттуда, куда попаду едва ли...
 Над Каппадокией, на воздушном шаре
 Лечу, вернее, вишу
 между сном и явью,

Наслаждаясь далью.

«Сто сорок тысяч воинов»,
 которых увидел Бродский,
 От горизонта
 поблескивающей полоской
 Идут, отражая в шлемах
 закатное солнце.

Не оторвёшься...

На каком шаре летел он,
 чтобы видеть это
 Побоище, бывшее здесь,
 на краю света?
 Вернее, в центре его
 случившееся когда-то...

И царя Митридата.

Любой поэт, одиноко
 иль с кем-то в паре,
 На таком –
 воображенья воздушном шаре
 Изучает совсем не пейзаж.

Скорей – душу.

Притяженьё,
 забвеньё,
 пространство,
 время

Нарушив.

ГЛАЗАМИ МЛАДЕНЦА

Ещё неназванные вещи
 Уже ложатся на сетчатку.
 И что-то светит, что-то блещет
 И оставляет отпечатки.
 На улице дерева, зданья,
 И всё огромно, всё просторно...
 И далеко до понимания –
 Божественно иль рукотворно?

* Зелёный оазис в центре Москвы, ботанический сад Московского университета «Аптекарский огород» – самый старый ботанический сад в России, основанный Петром I в 1706 году.

Первоначально откровенье:
 Есть кто-то сладкий, важный самый.
 Защита, нежность и спасенье.
 И это мама.
 Только мама.

Они летят к Неве наискосок,
 Едва видны, легки, неповторимы –
 Быть может, белый Божий волосок
 На крылышках уносят херувимы.

ИЗ ПИТЕРСКОГО БЛОКНОТА

* * *

Настояно время
 в колодцах-дворах петербургских.
 Потрогай ладонью его
 иль ковшом зачерпни.
 В нём столько страданий...
 И судеб, по-питерски грустных.
 Попробуй, свою напиши.
 А потом зачеркни.

Горчащее время
 налито в дворы,
 как в стаканы.
 В него окунаешься.
 Видишь столетья насквозь.
 Насыщенно время.

И я удивляться не стану,
 Когда растечётся оно.
 Да уже растеклось.
 Года сквозь себя пропускать –
 и блаженство, и пытка.
 Встречаться с тенями,
 чьи строчки учил наизусть.
 Я снова пьянею
 от терпкого злого напитка,
 И снова, и снова
 в колодезный двор окунусь...

* * *

Нет ничего прекрасней облаков,
 Тех, что бывают в Питере, в июле,
 Тех пёрышек, воздушных завитков –
 Как будто тихо ангелы подули.

Над лабиринтом каменных громад,
 Церквей касаясь, нежность излучая,
 Они летят, летят, летят, летят,
 Людскую суету не замечая.

ПАМЯТИ ПЕТРА ПОМИНОВА

Медленная, как ртуть, река.
 Лодка отчаянного рыбака
 Словно висит посреди реки,
 Всем притяжениям вопреки.
 Может, рыбак.
 А быть может, он –
 Спутник умерших, седой Харон.
 Встал и не знает, куда грести.
 Есть ли кого везти?
 Грустная осень...
 Жестокая весть.
 Есть пассажир у Харона, есть.
 – Что он любил?
 – Стихи да вино...
 Он тебя ждал давно.

25.09.2017

НА МАМИНОЙ РОДИНЕ

* * *

Улочки яранские безлюдны.
 Золото мешками собирай.
 Слышатся валторны, флейты, лютни...
 Господи, быть может, это рай?
 Если рай – что ж серо так и скудно
 Бедное людское бытие?
 Что ж так одиноко, бесприютно,
 Сердце беспокойное моё?
 Лишь природа – клёны над сараем,
 Блеск реки, заката уголёк –
 Намекает: был задуман раем
 Этот тихий русский уголок.

* * *

Здесь было поле. А сегодня лес –
 Весёлый березняк, густые сосны.
 И детский след мой оставался здесь
 На утренней траве – высокой, росной.

Здесь было поле. Было. Поросло...
 Леса берут в кольцо поля и пашни.
 Неважен век и месяц, и число –
 Здесь будет лес,
 как был столетьем раньше.

Придёт хозяин и построит дом.
 Есть всё для сруба и для половицы...
 И, может быть, когда-то в доме том
 Душа моя заблудшая родится.

* * *

Через меня проходит поток времён,
 Сердце сжимая, волосы шевеля...
 К предкам своим приехала на поклон.
 Светлая память им. Пухом земля.

Через меня – судьбы и слёзы их.
 Пусть неразрывным будет моё звено!
 Через меня – радость, и боль, и крик.
 Жизни, что будут. Те, что ушли давно.

И, у родных могил головой склоняясь –
 Вечного дерева ветка,
 простой листок, –
 Знаю, что с этой землёй
 неразрывна связь.
 Через меня проходит времён поток.

* * *

Встречайте светлый праздник Покрова
 В глубинке русской, далеко от дома,
 Тогда найдутся верные слова
 О святости небесного покровя.

В монастыре, что только возрождён,
 Несут монахи праведную ношу...
 И чист, и гулок колокольный звон,
 И зримо видишь –
 Плат уже наброшен.

Нездешний светлый образ в облаках.
 Предвестье снега? Крылья серафима?
 И веришь, что стоять Руси в веках,
 Поскольку Богородицей хранима.

КОРНИ

Помни корни свои, помни.
 На земле тебя держат корни.
 Эти бабушки-дедушки... Прадед,
 Что сказал на прощанье: «Хватит...»
 Был ты почкой, листочком, веткой,
 Был ты внуком, сыночком – деткой.
 А теперь уже – ствол опорный.
 Скоро сам перейдёшь в корни.
 Корешки сохраняют память.
 Было б что на земле оставить!
 Слишком коротко...
 Слишком быстро
 Облетают с берёзы листья.
 Помни корни. Не те могилы –
 Помни дом, где тебя любили.
 И любовью СВОЙ мир наполни.
 Да помогут тебе корни.

* * *

Леса бескрайни, сёла редки.
 Идёт здесь время не спеша.
 О, Боже, как здесь жили предки!
 Село Безденежье... Тужа...

А так и жили – не тужили,
 Детей растили и хлеба.
 И для колхоза рвали жилы,
 И пели: «Наша жизнь – борьба...»

На месте изб – лесная поросль,
 И кладбище в густой траве,
 И вечное «за что боролись?»
 Стучит, как молот, в голове.

г. Яранск, Кировская область

ЗАДЕРЖИТЕСЬ В ОБЪЯТЯХ

Боже мой, как же быстро летит
 этот счёт...
 Утекает вода из горсти.
 Задержитесь в объятых,
 постойте ещё!
 Всё равно никого не спасти.

Всё равно, всё равно
 кто-то первым уйдёт.
 Но запомнится это тепло.
 Не бегите, по стойте,
 не чмокайтесь влёт,
 Обнимитесь, пока не снесло!
 Ах, как сладостен миг!
 Ах, как мил человек!
 Не течёт речка времени вспять...
 Обнимитесь!
 Замрите!
 Пребудьте вовек!
 Лишь бы было кого обнимать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ, КОТОРОЙ НЕТ...

Этот тихий звук, этот кроткий свет...
 День рождения мамы, которой нет
 И не будет уже вовек.
 Как она жила? Всё труды, труды...
 Где её следы, где её плоды?
 Вновь она собирает всех.
 Посидим, как водится, за столом.
 Испечём блинов и вина нальём,
 И поставим на стол портрет.
 И расскажем ей, как теперь живём,
 И любимую песню её споём,
 И поверим, что смерти – нет.
 Так, как мамы в чреве носили нас,
 Так мы носим маму в себе сейчас –
 До конца, до скончанья дней.
 Время сделает круг, повернёт назад.
 Наши внуки глазами её глядят.
 И мы снова, как в детстве, с ней.

* * *

Прожила наобум, наугад,
 Как листок, проплыла по теченью...
 Бог сегодня угрюм и лохмат
 И доступен обычному зренью.
 Космы туч и седых облаков
 Разметав после дикого зноя,
 Затопить он всю Землю готов,
 И не сыщется нового Ноя.

И не скрыться от сумрачных дум,
 И от ливня, похоже, не скрыться...
 Бог сегодня лохмат и угрюм.
 Да с чего бы ему веселиться?

* * *

Без «Фейса», без «бука»,
 Без «В», без «контакте» –
 Как славно быть в месте,
 Что вряд ли на карте
 Домашние сыщут,
 Заметив уныло:
 – Опять укатила...
 Без «классников» тоже,
 Без «одно» – и разных,
 Как видите, можно
 Общаться прекрасно.
 Всё то, что нам нужно
 Для слуха и зренья –
 Огонь и поленья.
 Ручья лепетанье,
 Гудение бора,
 Ночные признанья
 Забуду не скоро...
 Ты грустно пожмёшь
 На прощание руку,
 Вернувшись к «Фейсбуку».

* * *

Ветер подул и в крошечном снегу
 Дико завыл.
 Кто обернулся в такую пургу?
 Кто это был?
 То ль показалось, то ль правда хотел
 Что-то сказать?
 Но не услышать в такую метель,
 Не разобрать.
 Каждый бежал в круговерти, во тьме –
 К людям, под кров...
 То ли недоброе крикнули мне,
 То ль – про любовь?
 Время раскинуло нас на бегу,
 Век уходил.
 Кто обернулся в такую пургу,
 Кто это был?

В БАТУМИ

* * *

Гуляем с внучкой под сенью башни
грузинского алфавита.

Июльский вечер.
Такая нега во всём разлита...

И даже в море, сегодня тихом,
покой и нега.
А буквы светятся,
убегают в ночное небо.

Грузинской речи люблю гортанность,
её певучесть.
О, языка прекрасна данность,
небесна сущность.

Бульвар батумский –
магнолий запах, фонтана свечи.
Разноголосье, разноязычье
единой речи.

Грузинский эпос, и ридна мова,
и русский логос,
Соединившись уже навеки,
уходят в космос.

* * *

Захлёбываюсь воздухом твоим!
Здесь праздник обонянья, вкуса,
зренья!
О, Грузия, твой день неповторим,
В нём ценишь
чудо каждого мгновенья.

Дни горячи, как камни на песке.
Ступай по ним легко и осторожно.
А в декабре в заснеженной Москве
Такой ожог не вспомнить невозможно.

И вот тогда тебе приснится сон,
Прорвавшись через сеть
ночного шума,
Что ты идёшь – и молод, и влюблён
По старым узким улочкам Батума.

У ЦЕРКВИ САМЕБА (СВЯТОЙ
ТРОИЦЫ) НАД БАТУМИ

Серпантинная вьётся дорога.
Спелая земляника...
Ближе к небу и ближе к Богу.
Очень близко.
Наравне с пушистыми облаками,
С райским садом.
И родные души – не за горами,
Где-то рядом.
Как немного нам надо, Боже, –
Любви, хлеба.
Но в себе разобраться не можем.
Прости, Самеба.

«ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ...»
(НА БАТУМСКОМ БУЛЬВАРЕ)

Боже, как печальны песни эти
Милой, но заснеженной отчизны...
В Грузии не думаешь о смерти,
Потому что слишком много жизни.
Потому что слишком много солнца,
Моря, неба, ветра, вдохновенья,
И навеки сердце остаётся
В горных незатейливых селеньях...

В Грузии, конечно, всё иначе,
Потому что вечность всюду рядом.
Но, услышав «Ямщика», заплачу
И на скорый поезд сразу сяду.

* * *

О, как легко рифмуются слова
Грузинские и русские.
Наверно,
Тот, кто придумал языки, сперва
Зарифмовал значенья непременно.

И если разом утомила жизнь
И позабыть захочешь о печали,
Какое слово вспомнишь ты, скажи?
О, милый друг, конечно – цинандали!

И лёгким колокольчиком в горах
Оно звенит и эхом отдаётся...
Есть тайна в этих звуках и словах:
Грусть улетит, а радость остаётся.

А сладкие чурчхела, пахлава!
От «ха» першит, и пересохло горло.
Любой простак срифмует – похвала!
Себя похвалит и посмотрит гордо.

...В сибирском небе полная луна
Прилипнет к небу...
Снежно, зябко, сыро.
Но сразу же напомнит мне она
Лаваш на чёрном куполе тандыра!

Батуми – Тбилиси

ПИОНЫ

...А в прошлое виза бессрочна.
Вот молоды мы и влюблённы.
Как нежно и пряно-порочно
Запахли наутро пионы!
Ты их перенёс на картину
Небрежно – штрихами, мазками...
Дурманящий, ветренный, винный,
Тот запах витал между нами.
Кто б знал, что приблизилась бездна,
Что годы навалятся злые...
Любовь растворилась, исчезла,
И только пионы живые.

* * *

Я живу в стране, я живу в семье,
И ещё, пока, я живу в себе –
В теле том, что нам покидать нельзя.
Но немножко – за...
Я люблю тебя за твои слова,
И пускай судачит о нас молва.
А ещё люблю за твои глаза
И, конечно, за...

И когда, как все, я уйду, умру,
Превращусь в песок, прорасту в траву,
Ты услышишь стихов моих голоса
И заглянешь – за...

8 ОКТЯБРЯ

Боже ты мой, неужели октябрь?
Это октябрь. Сентябринки засохли.
На винограднике – слёзы ли, сок ли –
Чистый янтарь.
Это октябрь. Неизбежная грусть.
Недалеко до смертельного холода.
Но у калитки рябиновый куст –
Будто награда.
Тихо окликну её. Говорю
Что-то земное...
Многое можно простить октябрю,
Ибо – восьмое.

8.10.2018

ИЗ КРЫМСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Я подарю тебе
Сказочный Коктебель,
Бухту и Карадаг,
Голову Таиах.
Будет неповторим
Этот осенний Крым,
Рыжий и золотой,
Солнышком налитой,
С крепостью той лозы,
Скрытностью той слезы,
С памятью тех дорог,
Там, где Волошин лёг.
Нежности колыбель –
Крохотный Коктебель
Будет качать прибой,
Лунный и голубой.
Счастье искали мы
И наконец нашли –
Здесь, на краю земли,
Здесь, на краю зимы...

* * *

Кто «Ассой» болен был,
Тому лишь нас понять:
«Под небом голубым...»,
Кабинка двадцать пять.

И мы в кабинке той,
 И тем же октябрём
 Над Ялтой золотой
 Летим-плывём вдвоём.
 И замерли часы...
 От счастья ошалев,
 Невиданной красы
 Под нами бродит лев.
 И вол в густой траве
 Гуляет вместе с ним.
 И где-то в синеве
 Орёл неразличим.
 И пусть потерь не счесть,
 Глаза в глаза глядят...
 Всё кажется, что есть
 Тот самый «дивный сад».

20.10.2018

НА ЧАСАХ...

Страна задремала, и город уснул.
 Но время забыло сменить караул,
 И я на часах стою.
 А что охраняю? Родную речь?

Да как же её сохранить, сберечь
 В далёком степном краю?
 Но я охраняю, который год,
 И верю, что смена моя придёт

И строчек подхватит бег.
 И надо держаться, ведь за чертой –
 И Пушкин, и Чехов, и Лев Толстой.
 И весь Серебряный век.

г. Павлодар

ГРИГОРЬЕВА Ольга Николаевна родилась в г. Новосибирске. С 1977 г. живёт в Павлодаре. Поэт, литературовед, журналист. Член Союза писателей Казахстана и Союза российских писателей, Союза журналистов Казахстана. Автор 18 поэтических книг, десяти книжек для детей, трёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Астане, Алматы, Омске, Москве. Награждена почетным знаком «Деятель культуры». Организатор и руководитель музея писательницы А. И. Цветаевой в Павлодаре. Лауреат Первого Национального конкурса «Друг детства». Лауреат Международной литературной премии имени Марины Цветаевой (Москва, 2008). Лауреат Республиканской литературной премии имени Павла Васильева (Казахстан, 2010).

